Экран и сцена. — 1993. — 2–9 дек. (№ 48). — С. 15–16.

АКТРИСА

(Окончание. Начало на 15-й стр.).

испытания — 26 января 1986 года Елена Николаевна вышла в небольшой роли вдовы художника Астахова в спектакле Л. Хейфеца по повести Д. Гранина «Картина». Ее выход и уход сопровождались горячими аплодисментами. Зрители ждали ее появления на сцене, радовались ему.

И еще более восторженно встретили ее появление в новой роли княжны Плавутиной-Плавунцовой в пьесе П. Гнедича «Холопы».

Работа над драматической «семейной хроникой Плавутиных-Плавунцовых» (так гласит подзаголовок пьесы) лежала в русле традиций Малого театра, ибо «Холопы» долго шли на его сцене и были одним из самых замечательных спектаклей театра, отличавшимся блестящим ансамблем.

Роль Княжны Плавутиной-Плавунцовой играла сначала М. Ермолова, а потом Е. Лешковская. В этой роли состоялось последнее выступление Ермоловой на сцене 25 декабря 1921 года.

Ставил спектакль видный театральный деятель и режиссер, соратник К. С. Станиславского по Обществу искусства и литературы Н. А. Попов.

В том спектакле Е. Н. Гоголева играла роль молодой красавицы Дуни Веточкиной.

Теперь она стала репетировать роль Княжны Плавутиной-Плавунцовой. Эта роль стала новым триумфом Гоголевой.

Ему предшествовал долгий и трудный период репетиций, в котором Гоголева снова была примером, организующим центром будущего спектакля. Помимо репетиций, она, получив то или иное задание, неустанно работала дома (что бывает теперь с актерами крайне редко), приходила на следующую репетицию, что-то осмыслив, делилась своими новыми сомнениями. Недаром, когда мы впервые прошли всю пьесу за столом, один из актеров сказал: «Такое впечатление, что она уже играет, а мы вводимся в этот спектакль».

Но во время работы было немало трудностей, которые Гоголева преодолевала со своим обычным мужеством. Снова я «боролся» с ней, «истреблял» излишнюю чувствительность, чрезмерные эмоциональные «выплески». У нас с Еленой Николаевной даже был такой условный термин — я ей говорил — «опять вылезла московская барыня». Это значило, что вместо петербургской сиятельной особы, вельможной дамы, в поведении, интонациях вдруг проскальзывала простодушная «московская барыня», «саратовская помещица» — как говорит сама Княжна Плавутина-Плавунцова. «Что я — саратовская помещица?!»

Нужно было, чтобы эта надменность, гордыня, непроницаемое своеволие, эта «глыба льда» чуть подтаяла в драматических сценах, а не расплылась в обильных слезах.

И опять Елена Николаевна «терпела» придирки, выслушивала замечания, не споря, не возражая, не проявляя и тени каких-либо амбиций.

Дисциплина ее была беспримерной. Она являлась на репетицию до ее начала, хотя это было ей трудно, так как при переломе ноги, при двух уже палках, с которыми только она могла ходить, рано вставать, приводить себя в порядок, ехать в театр, подниматься на второй этаж, где находится сцена, было мучительно.

Однажды она не поняла или не расслышала (она вообще последние годы плохо слышала) сообщения помощника режиссера и не явилась на одну репетицию. Ей позвонили домой справиться о ее здоровье и, узнав, что она просто ослышалась и потому не пришла, по моей просьбе сказали, чтобы она уже не приезжала, что репетиция без всякого ущерба пройдет без нее. И каково же было наше изумление, когда чуть ли не через полчаса после начала работы явилась Елена Николаевна. «Я сегодня без утренней гимнастики и почти без умывания»,— шутливо заявила она, раскрывая тетрадь с ролью. Такое появление было ее маленьким подвигом, а их было немало.

Однажды мы играли «Холопы» летом. Стояла немыслимая жара. В четвертой картине Гоголевой следовало появиться в меховой шапке, в зимнем салопе, в теплых рукавицах. «Снимите рукавицы и шапку, ведь Княжна находится в натопленном помещении и может сбросить их»,— сказал я. Елена Николаевна посмотрела на меня и сказала просто — «Нет». Она понимала, что облик княжны без екатерининской собольей шапки будет менее колоритен.

Прекрасно, что ее княжна оказалась совсем непохожей на Селину Муре. В этой роли у нее были великие предшественницы. Ермолова прежде всего раскрывала муку и боль тайного материнства, сцена с дочерью была полна высокого, очищающего драматизма. Лешковская давала ощутить капризную женственность, легкомыслие княжны. Она была полна брезгливого ужаса аристократки, узнавшей в грязной судомойке свою дочь. Савина казалась жестокой в своей эгоистической черствости, в надменной гордыне старческого одиночества.

Гоголева каким-то непостижимым образом соединила все эти черты. Фигура ее княжны стала неотразимо живой именно в сочетании всех этих противоречий.

В каждом ее жесте, повороте головы, в осанке сквозило то, что называется «породой». Непреложно верилось, что «она при покойной императрице близкой особой была». «Особа», личность, индивидуальность крупная, властная, самобытная. Гоголева создала целую поэму своеволия, нарисовала образ женщины, каждая прихоть которой немедленно и неукоснительно исполнялась, женщины, которая уселась в «катальное кресло», как на трон, инсценировав болезнь ног, чтобы не кланяться, не приседать перед несносным деспотом-императором. Вспышки ее гнева были грозными, но Гоголева неуловимо подчеркивала, что они быстро проходят — в конце концов она прощала и провинившуюся горничную, и не угодившего мажордома, и дерзкую воспитанницу. И дело тут было не только в природной доброте, искаженной мироощущением могущественной крепостницы, а в уме, в мудрости, которую ей дали годы. Ум этот сквозил в каждой реплике, в юморе, иронии, порой в блестящем сарказме ее сентенций. Даже в ее самодурстве была доля какого-то внутреннего изящества.

Но главной в этой роли была тема гордости, достоинства. Порой это великолепное достоинство искажалось до жестокости наивной капризностью, властной категоричностью, а порой становилось прекрасным, как, например, в протесте против Императора Павла и в той благородной сдержанности, с какой княжна Гоголевой вела драматическую сцену с дочерью.

Она не плакала, как плакала, по преданиям, Ермолова. И не оставалась сухой и черствой, как Савина. Здесь у Гоголевой доминировала поистине аристократическая сдержанность, при том, что все мы видели, как она была взволнована. И сдержанность ее была продиктована не только уздой воспитания, а опять-таки подлинным достоинством человека, мужественно встретившего тяжелую расплату за грех своей молодости. Княжна Гоголевой до дна испивала горькую чашу прозрения, к мудрости прибавлялось еще и терпение, столь мучительное для этой своевольной натуры. Может быть, в первый раз в жизни ей пришлось не «простить», не «помиловать», а защитить обездоленного человека от зла и несправедливости.

Две роли Гоголевой — в «Мамуре» и «Холопах» — стали торжеством творческой мудрости и чистоты Актрисы.

Елена Николаевна ушла из Жизни на семьдесят шестом году своей **сценической жизни.** Свой последний спектакль она сыграла 22 октября 1993 года, за 20 дней до смерти. Это были «Холопы». В этой пьесе простилась со сценой и боготворимая Гоголевой М. Н. Ермолова.

Юная Гоголева была «неправдоподобно», ослепительно красива — горделивая пава, сказочный лебедь, радужная жар-птица. Передо мной лежат ее фотографии в молодых ролях — это королева, царица театральных миражей. Ей шли театральные костюмы, парики, самые грубые бутафорские украшения, «драгоценности» загорались на ней огнем каратов чистой воды.

В жизни она не носила никаких драгоценностей, не любила кружев — все это не пристало ее красоте амазонки, жрицы, Дианы. Строгая красота в жизни становилась ослепительной на сцене.

Она сыграла свою первую роль — Джессику в «Венецианском купце» в Москве времен гражданской войны, в холодном, нетопленном театре, где зритель сидел, не раздеваясь, в валенках и шубах.

Вторым спектаклем после «Венецианского купца» был «Старик» М. Горького, где она играла Татьяну. На спектакле присутствовал Ленин. Сталин видел Гоголеву в роли прекрасной Темрюковны в «Иване Грозном».

«Холопы» с ее участием смотрел М. С. Горбачев. После кончины Елены Николаевны Б. Н. Ельцин прислал в Малый театр телеграмму со словами глубокого соболезнования. Через сколько этапов в истории страны проходил долгий артистический путь Гоголевой! За огромную творческую жизнь немало было горестей, парадоксов. В сталинскую эпоху Гоголева была щедро отмечена премиями за плохие роли в плохих пьесах, отвечавших конъюнктуре тех лет. А вот «Новеллы Маргариты Наваррской», где она играла блестящую роль, были сняты за «безыдейность».

Но через все повороты и перипетии своей творческой судьбы Гоголева пронесла верность лучшим традициям Малого театра, честь и достоинство которого она олицетворяла в наши дни.

«Первая дама», строгая хранительница традиций Малого театра, она была обаятельна еще и озорным чувством юмора. Гоголева не боялась рассказывать о себе то, о чем другие стараются умолчать. Например, о весьма язвительных замечаниях, которые отпускала на ее счет острая на язык В. Н. Пашенная. «Душенька, что они делают с вами в Малом театре?!» — с отчаянием сказала она Елене Николаевне, когда они стояли рядом за кулисами перед выходом в «Горе от ума» — Пашенная-Лиза, Гоголева-Софья. «А что?» — испуганно спросила юная Софья. «Вы же ничего не умеете, с вами стыдно рядом стоять на сцене!» — и все это горячо, низким глубоким голосом, глядя на соперницу прекрасными трагическими глазами.

«Какая красавица!» — патетически восклицала Вера Николаевна, завидев появившуюся вдали Гоголеву.— Какой профиль! Правда, актриса никакая, но как хороша!»

Елена Николаевна в какой-то пьесе играла латиноамериканскую женщину и гримировалась для этой роли смугло коричневым гримом, мазала шею и руки «морилкой». «Как вам нравится Гоголева в этой роли?» — спросил кто-то у Пашенной. «Аида под фикусом»,— ответила та без малейшей запинки.

Елена Николаевна рассказывала об этом добродушно, весело заливаясь смехом, искренне восхищаясь остроумием властной премьерши Малого театра, огромный талант которой она всегда признавала.

Надо сказать, что Елена Николаевна была человеком редкого благородства и достоинства. Недаром она воспитывалась в Институте благородных девиц, патронессой которого была великая княгиня Елизавета Федоровна, жена убитого террористами московского генерал-губернатора, сама принявшая мучиническую смерть и ныне причисленная к лику святых.

Воспитанницы Института принимали великую княгиню, угощали ее чаем, занимали разговором по-французски — это было своеобразным экзаменом. Такие «уроки», такие «экзамены» не проходят бесследно — Елена Николаевна была образцом великолепного воспитания, выдержки, блистательной сдержанности.

И еще ей было присуще редкое свойство подлинно благородных натур — искреннее, горячее, едва ли не романтически пламенное чувство благодарности, свидетельством чему может служить приведенная выше заметка в театральной стенгазете.

Когда к ней приходили с комплиментами после «Мамуре» или «Холопов», она махала руками и говорила— «Это все он, он сделал!», спеша разделить со мной лавры.

Невозможно привести все ее трогательные надписи на афишах и программках.

Вот одна, которую она сделала в своей книге:

«Дорогой, очень, очень дорогой Борис Александрович! Нет таких слов, чтобы выразить Вам мои чувства, безграничную благодарность за то счастье, что Вы мне подарили своей чуткостью, вдохновенным талантом за последние мои годы в родном Малом Театре.

Е. Гоголева

1989 г.»

Я же бесконечно благодарен ей, ее памяти, благодарен судьбе за встречу с удивительной Личностью, с легендарной Актрисой того, легендарного Малого Театра.

Низкий поклон Вам, Елена Николаевна!